

Личность в эпоху карнавала

Ключевые слова: детство ради детства, детоцентризм, стандарт дошкольного образования.

Каждый раз, когда я встречаюсь с молодой аудиторией, ловлю себя на мысли – как они стремительно меняются. Речь не о возрастных изменениях, а о том, как на нас влияет время перемен – социальных, экономических, культурных, психологических и иных. Я это вижу по первокурсникам вузов.

В прошлом сентябре на I курс приходили ребята, ничем не похожие на позапрошлогодних. Отличаются от прошлогодних первокурсники нынешнего сентября. Думаю, так будет и дальше.

Не думаю, что эти отличия происходят от неустанной работы чиновников над совершенствованием ЕГЭ.

Ускоряется время изменений личности, постижения молодым человеком быстро обновляющейся реальности. Раньше эти изменения происходили медленно: их фиксировали эпохи, века, десятилетия. Сейчас же пролетает год, и в аудиторию снова входят небывалые люди. В том смысле, что раньше таких здесь не бывало и быть не могло. Эту скорость изменений задают механизмы социализации информационной эпохи, порождающие целый веер идентичностей личности.

Но они же создают и более сложные феномены.

Наверное, немногие из нынешних студентов читали замечательное сочинение Аркадия и Бориса Стругацких «Гадкие лебеди». Эта повесть появилась в 60-х гг. прошлого века в прибалтий-

ском журнале «Даугава» и долгое время не могла выйти в СССР, как тогда говорили, массовым тиражом. Что вполне объяснимо: Стругацкие описали ситуацию распада связи времен, и подобная ситуация никоим образом не вписывалась в программу строительства развитого социализма. Этот межпоколенческий разрыв привел к тому, что в некоем городе появились иные люди, которые, подобно крысоловам, увели в неизвестность целое поколение молодых людей.

Конечно, за поступками «иных» можно было предположить не только действия зла, но и добрые устремления. И дело тут даже не в конечной цели.

Почему, например, Моисей так долго водил свой народ по пустыне? Современные люди, рассматривая карту той местности, решат, что он просто страдал болезнью, вызывающей потерю ориентации, иначе мог бы довести бедных странников до цели за несколько дней. А у пророка ушло на это 40 лет, которые были наполнены многими бедами и испытаниями, посылаемые странствующим свыше.

Я думаю, это был процесс мучительного самопознания, самоидентификации народа, сбрасывающего оковы рабства, испытание его сил на историческую стойкость.

Это в наше время можно улыбаться, разглядев на карте размеры Синайской пустыни. Тут стоит напомнить шутку: в Москве появился щит со следующим

сообщением: «Даю уроки вождения» – и скромная подпись: Моисей.

Пародия, как и ирония, эффективно снимает разрушительный пафос. Но у меня при виде этого «прикола» возникли другие ассоциации: в нашей отечественной истории было избыточное число персонажей, которые на полном серьезе брались либо давать «уроки политического вождения», либо, что еще хуже, извините за каламбур, – сами брались «вождить».

Недавно на одной из лекций я задал аудитории вопрос: «Как, по-вашему, можно назвать время, в котором мы живем?»

«...Информационных технологий» – был первый ответ. Но уже следом прозвучало: «Безысходность». Затем были «Сетевое», «Глобальных угроз». Наконец: «Постсоветское».

Последнее определение и сегодня имеет широкое хождение. Кто-то дал этому определению простое объяснение: надо же как-то назвать то, что пришло на смену советскому времени. Мне кажется, что за этим определением кроется идея формального и четкого отделения нашего времени от предыдущего периода. Как учили в советской школе: на смену феодализму пришел капитализм.

Когда мы говорим о советском и постсоветском периодах, то мало задумываемся о том, что, несмотря на попытки разделения этих времен, между ними есть нечто неразрывное, плохо поддающееся пониманию.

В свое время выдающийся методолог гуманитарных наук Михаил Бахтин показал, что наше мышление не сводится к рациональному постижению реальности. Любое время в огромной мере населено мифами, всевозможными иррациональными феноменами, причем такими, к которым здравый ум часто не приложим.

Эту специфику мифологического мышления наиболее ярко показывает нам не такое уж давнее советское время.

Какое иррациональное воздействие на младших школьников той поры надо было произвести, чтобы многие из них на вопрос: «Кто нарисован на твоей октябрятской звездочке?» – вместо ответа «Маленький Володя Ульянов» чекали: «Дедушка Ленин!»

Ускоряется время изменений личности, постижения молодым человеком быстро обновляющейся реальности. Раньше эти изменения происходили медленно: их фиксировали эпохи, века, десятилетия. Сейчас же пролетает год, и в аудиторию снова входят небывалые люди.

А взрослые? Что хотели сказать коммунисты, ярые сторонники материализма, сделанным ими открытием: «Сталин – это Ленин сегодня»? Это что, переселение душ? А лозунг «Ленин и партия – близнецы-братья»?!

Мы жили в мифологии абсурда, полагая, что это и есть реальность.

Но даже в самые суровые и бездумные времена были шуты, трикстеры, были люди, которые взрывали устои, сбрасывали иерархии. Это прекрасно показал Юрий Лотман в своей книге «Культура и взрыв», исследуя культуру карнавала, на котором веселящийся человек в маске на самом деле сбрасывал с себя личину суровой угрюмой повседневности и делал прорыв к постижению свободы в себе и в мире.

И даже средневековые времена не были такими беспросветными, как рассказывали нам учебники. «Литература вопреки» существовала не только в тоталитарных обществах XX в. Из мрачного средневековья выходили диссиденты и мастера. Они показали, что рациональное мышление – только один из инструментов освоения мира и не все этому инструменту под силу. Так появился Франсуа Рабле с романом «Гаргантюа и Пантагрюэль». Вторым мастером того же времени стал Эразм Роттердамский, написавший книгу «Похвала глупости». Третьим мастером прорыва был Себастьян Брант, создавший пророческий образ на все времена – «Корабль дураков».

В ситуациях кризиса даже такие малочисленные прорывы могут изменить картину реальности, обрушить застоявшееся время. Вот что написал в ту пору один отважный менестрель:

Я – Франсуа, чему не рад,
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

Эти строки Франсуа Вийона, написанные им в ожидании казни, говорят нам,

что культура живет и развивается, пока она умеет смеяться над собой, пока в ней есть пространство для карнавала.

В этих смеховых неадаптивных действиях шутов, диссидентов, еретиков есть две черты. Первая: они не зависят от социального контроля и потому нарушают существующие нормы. Вторая: они подвергают сомнению территорию той культуры, которая существует вокруг, пытаюсь найти иные, необщие пути развития.

Эти действия и эти противостояния были, есть и будут. М.М. Бахтин называл это конфликтом между официальным праздником и карнавалом.

Официальный праздник всегда олицетворяет образ стабильности, незыблемости. Он утверждает тот порядок, который был и есть. Он утверждает лишь одну правду, и другой быть не может. Чтобы в этом убедиться, не надо перемещаться в средневековье, проще включить телевизор.

Наше сегодняшнее телевидение – это транслятор официальной правды и больше никакой другой. Его впору переименовать в моновидение. Хочу процитировать Бахтина: *«Официальный праздник, иногда даже вопреки собственной идее, утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм, заповедей. Праздник был торжеством уже готовой, победившей, господствующей правды, которая выступала как вечная, неизменная и непрекаемая правда. Поэтому и тон официального праздника мог быть только монолитно серьезным, смеховое начало было чуждо его природе. Именно поэтому официальный праздник изменял подлинной природе человеческой праздничности, искажал ее. Но эта подлинная праздничность была неистребимой, и потому приходилось терпеть и даже частично легализовать ее вне официальной стороны праздника, уступать ей народную площадь».*

Когда мы говорим о советском и постсоветском периодах, то мало задумываемся о том, что, несмотря на попытки разделения этих времен, между ними есть нечто неразрывное, плохо поддающееся пониманию.

Сегодня, на мой взгляд, аналогом такого праздника является сетевая культура, которая не знает центра, не знает иерархий. Бессмысленно говорить, кто сегодня лидер в мире Интернета, глупо спрашивать, кто, какой Великий Блогер (сравни – Великий Магистр) управляет Всемирной паутиной.

Вот почему так важны и актуальны для понимания сетевой культуры политической аналитики сегодня идеи Бахтина и Лотмана. Не меньшая заслуга и у Дмитрия Сергеевича Лихачева, написавшего книгу «Смеховой мир Древней Руси». В ней он пишет: *«Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм, показывающий свою наготу и наготу мира, – разоблачитель и разоблачающийся одновременно, разрушитель знаковой системы, человек, ошибочно ею пользующийся. Вот почему в древнерусском смехе такую большую роль играют нагота и обнажение... При этом дурость – это та же нагота по своей функции. Дурость – это обнажение ума от всех условностей, от всех форм, привычек. Поэтому-то говорят и видят правду дураки. Они честны, правдивы, смелы. Они веселы, как веселы люди, ничего не имеющие. Они не понимают никаких условностей. Они правдолюбцы, почти святые, но только тоже “наизнанку”».*

Здесь сразу вспоминается фотография времен протестных демонстраций и митингов в Москве. Обнаженный человек стоит на улице с обезоруживающей улыбкой. Некоторые охранители пытались объявить это действиями политической оппозиции. Да нет же. Это самая что ни на есть карнавальная культура. Это культура позиции, а не культура оппозиции.

В свое время Зигмунд Фрейд высказал замечательную мысль: «Хочешь понять время – ищи мотивы, которые прорываются на поверхность этого времени».

В 60-е гг. прошлого века на поверхность времени поверх барьеров официальной культуры прорвались удивительные мотивы. Одним из них было движение «шестидесятников», не только известных поэтов, деятелей культу-

ры, но и широчайшее в те времена движение исполнителей авторской песни. И это тоже был массовый прорыв одной из ярких форм карнавальной культуры, уходящей корнями в эпоху средневековых бардов.

Бардовская песня времен брежневского застоя была поразительным явлением, которое до сих пор недооценено. Самодеятельные исполнители оказывались эффективнее комиссаров стройотрядов: романтика далеких строк рождалась не под гром государственных оркестров, а под нехитрое «...лыжи у печки стоят, гаснет закат за горой». А Владимир Высоцкий для осмысления обществом значения Победы сделал больше, чем некоторые высокобюджетные киноэпопеи. Вот и прорвавшаяся к читателям «окопная правда» таких писателей, как Владимир Тендряков, Виктор Асафьев, Василий Гроссман, Василь Быков, только подняла трагическую цену Победы.

С не меньшим трудом достигали своего зрителя фильмы того же Андрея Тарковского, Алексея Германа, прорываясь сквозь эстетический, нравственный, политический официоз государственной культуры.

Эти и многие другие культурные феномены не могли не находиться в глубоком конфликте с официальными праздниками и охранительными критериями, незыблемость которых демонстрируется обществу и поныне. Но эта видимая прочность говорит лишь о слабости государственных регуляторов перед различными прорывами естественной народной культуры карнавала. У Высоцкого «Охота на волков» про это. Про вечную попытку иного, непохожего, вырваться из загона, который с сизифовым усердием пытается строить любая тоталитарная культура, часто используя для этого устаревшие и прогнившие ограждения.

Личность, как индивидуальность, всегда находится в ситуации выбора. А в наше время это всегда движение от культуры полезности к культуре достоинства.

Личность, как индивидуальность, всегда находится в ситуации выбора. А в наше время это всегда движение от культуры полезности к культуре достоинства. В первом случае люди общаются по формуле «дашь на дашь». В культуре полезности человека не ценят, а оценивают. Его в ней считают и пересчитывают.

Тут вспоминается герой одного мультфильма, который научился считать до десяти. Как только он начинал кого-нибудь считать, сразу нарывался на сильное возмущение. Это очень точная психологическая реакция. Человек в еще большей степени не любит, когда он – всего лишь единица измерения чего-то, что можно представить частью некоего количества. А это и есть высшая математика тоталитаризма, мира безличностей, а не личностей.

Шаг за шагом в наши дни новые поколения молодых людей в поисках идентичности через карнавальную культуру ищут иные пути своей собственной личной жизни, делают свои выборы, а не выборы как манкурты, зомби, «наши» или «местные». Власть же по старинке рядит культуру карнавала и свободы в культуру банальных политических оппозиций, как всегда под собою «не чужа страны».

Однако личности эпохи карнавала уже делают свои выборы, выборы в пользу культуры достоинства, а не культуры полезности и религиозного фанатизма. ...Но может, всё сказанное – только мой сон о личности в эпоху карнавала...? А если это только сон, то не зря ли я нарушил предостережение Ежи Леца: «Никому не рассказывайте своих снов. Вдруг к власти придут фрейдисты!»?